

18+

Владимир Бойко

ПЕТРО

64 стихотворения

Владимир Бойко

Ретро. 64 стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51690680

ISBN 9785449845740

Аннотация

От хипповского наива семидесятых через духовный поиск и социальный натиск восьмидесятых-девяностых к нарочитой упрощенке последующих лет. 64 избранных стихотворения приурочены к жизненному рубежу, обозначенному в легендарной битловской песне.

Содержание

Утреннее	5
Осень	6
«Ты – вызов, ты – тайна...»	8
Придешь	10
Белые сны	11
Среди лугов	13
Господи, что мне делать	14
Этюд ранней осени	16
Странники	17
Вне сезона	19
И больше ничего	21
Иноходцу	22
Флаги над городом	24
Гимн душе	25
Телефонный ноктюрн	27
С Новым годом	30
Тернии	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ретро

64 стихотворения

Владимир Бойко

© Владимир Бойко, 2020

ISBN 978-5-4498-4574-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утреннее

Выходит – сначала? И сразу же набело?
Как бритвой по горлу строка полоснет.
Шатаясь, в белесое выбежать марево —
спасет ли? в лицо кислотой не плеснет?

Обломок луны, пронырнув через облако,
еще напоследок коварно сверкнет,
проmozглая память без плоти и облика
меня умыкнет и назад не вернет.

Послушай, рассвет, мой свидетель единственный,
ты скоро уйдешь и забудешь меня,
а я, задыхаясь неистойвой истиной,
едва ли дождусь беспристрастного дня.

1994

Осень

Когда-то дни светлей бывали,
а ночи – звонче и короче.
Апрель атаковал бульвары
и лето весело пророчил.

Над легкомысленными дюнами
дышал соленой мятой бриз.
Смеялись, пели, были юными,
играли бесконечный блиц.

И выбегала ты из пены,
в прозрачных капельках, дрожа,
как выбегала бы из песни
на солнечный мотив дождя.

А помнишь эхо клавесина,
тот звук, что никогда не лгал,
пока азартно колесили
по городам, горам, лугам?

Осваивали мир впервые,
и, словно в рай, входили в май,
и к чуду невзначай привыкли.
Повремени – не вспоминай,

что дни и впрямь светлее были
в краю туманов, звезд и сосен,
где опрометчиво любили,
где нас врасплох застала осень.

1978

«Ты – вызов, ты – тайна...»

Ты – вызов, ты – тайна,
тобою клеймен.
Твоими устами
пить огненный мед

и алчной любовью
дарить поутру.
Обвенчаны болью —
нам так по нутру.

Ты – вызов, ты – тайна,
ты – вспыхнувший сон.
Твоими крестами
мой путь осенен.

Я – ветер, я – вереск,
я – горькая пыль.
Потерян тот берег,
к которому плыл.

Прощанье – плачевно.
Леченье – сплеча.
Твое всепрощенье —
моя всепечаль.

В рассветной прохладе
исчезнешь, маня.
Ты – боль, ты – проклятье,
ты – глупость моя.

Я – остров, я – осень,
над свечкой ладонь.
Ты – прежде, ты – после,
ты вечно – любовь.

Под вечер поверить
в повергнутый пыл?
Я – ветер, я – вереск,
я – горькая пыль.

Ты – вызов, ты – тайна,
ты – рядом, ты – вне.
Как жарко шептала:
«Ты – мой, ты – во мне».

Ты – первая полночь,
и воздух – лилов.
Мы – прежде, мы – после,
мы вечно – любовь.

Придешь

счастье это теплое ружье
чье-то невозможное плечо
запоздалым окриком рассвет
вдруг уронит вымученный снег

станет осень в джинсах и боса
сыпать бусы сеять небеса
упадут цветы к твоим ногам
вопреки прилипчивым деньгам

ты придешь лениво и легко
сбросив сон как старое пальто
будешь даже с осенью на ты
сдвинешь стены и сведешь мосты

1979

Белые сны

Заснули дома,
заснежены двери,
зима белой бабочкой
кружит сквозь сны,
и сводит с ума
пропеллер метели
в завьюженных окнах
седой тишины.

Жонглирует ночь
смешными снежками,
и, привороженный
сонатами снов,
расплещется луч
в случайном стакане
из лунных надежд
и лучших стихов.

Полночный кустарь
коверкает пальцы,
но клавиатура
коварно молчит.
Лишь брезжит пустырь
забытого счастья —

рассыпанный свет
вчерашней свечи.

Пустые уста
скривятся в усмешке,
но звездный устав
так светел и строг,
что ломкие сны
и снежные фрески
восторгом наполнят
постылый острог.

1979

Среди лугов

Среди лугов найти свой жанр
и стать травинкой малой мне бы
там, где в ладонях я держал
звонящую частицу неба.

Я этот миг всю жизнь ловил —
и он меня наполнил верой.
И сверху солнечный клавиш
струился над землею белой.

И день сторал. Вступал закат
в свои права. Шептались ветки.
Успеть бы мне земле сказать:
«Прекрасная, пребудь вовеки».

1979

Господи, что мне делать

Господи, что мне делать?

Крик стекленеет в ночи

и прорывает пределы:

«Господи,

что же

мне делать?!»

Лучше – молчи.

Скорбь, научи молчанью.

Мудрости научи.

Не отягчай мелочами.

Но этот стон в ночи:

«Господи, что мне делать!» —

душу кромсает в клочья,

опустошенное тело

исковеркали корчи.

Вместо лица – омертвелость.

Ветер кидает с ног.

Господи, что мне делать?

Что же ты сделал, сынок?!

Единственный, двенадцатилетний.

Как же посмела смерть?

Если бы мог я ослепнуть,
если бы мог – умереть.

В небе звезда зарделась,
злая звезда моя.
Господи, что мне делать?
Что Тебе сделал я?

Боже, ответь, за что же?
Где же Твое милосердие?
Где Твоя правда, Боже?
Ну, покарай же смертью.

Стынет голос и тлеет —
«Что же я сделал Тебе...
Господи, что мне делать...
как же мне жить теперь...»

Ветер кусает спину,
снег сечет по лицу.
Что это – крик по Сыну
или плач по Отцу?

Скорбь, научи молчанью,
мудрости научи —
всеми моими ночами
в этой пустой ночи.

Этюд ранней осени

Сентябрь – последний приступ лета.
Дрожат чуть слышно паутинки.
Полупрозрачные картинки —
случайный отблеск первоцвета.

Пунктирный дождик обозначит
черед листвяной коловерти,
благополучной неудачи
и медленной ноябрьской смерти.

Давай уйдем во внесезонье
и спрячемся во мгле рассвета.
Ты веришь в глупое везенье?
Ты помнишь: здесь стояло лето...

1979

Странники

Дорога дается от Бога,
сейчас и навеки – одна.
Уйдя от родного порога,
мы пьем эту чашу до дна.

Дорога дается от черта.
Продрогшие, ночью и днем
мы верстам не ведаем счета,
бредем, и бредем, и бредем.

Мой брат, как ты слаб, как ты беден
с холщовой сумой за плечом.
Бредем или, может быть, – бредим
шалым предрассветным лучом.

Мой брат, ты давно не смеялся
и горечь всей плотью постиг,
но гордая тайна славянства
хранится в глазницах твоих.

Застыло безмолвное поле,
поникли давно ковыли.
Молчанье – жестокая доля
израненной насмерть земли.

Безлюдно за нами и голо,
и тлеют в пыли черепа,
и щурятся алчно монголы —
властительная шантрапа.

И весело топчут иуды
заветные наши цветы.
Откуда, скажи мне, откуда
спокойствие в ликах святых?

Предел этой вечной дороги
неведом пока никому,
но, сбитые в кровь, наши ноги
упрямо шагают сквозь тьму.

Ведь здесь, в заповедной отчизне,
под зноем, пургой и дождем,
дорога дается от жизни,
и мы непременно дойдем.

1979

Вне сезона

Стены, газоны,
смена сезона,
тает усталый снег,
в телепрогнозах —
сильные грозы,
синие грезы для всех.

Пусто и пресно,
ныне и присно
стынет заката медь,
густо-седая
ночь оседает,
чтобы к утру умереть.

Стих вне сезона
кистью Сезанна
водит по мостовым,
в слове-сезаме
льется слезами
млечный и уличный дым.

Тянутся нити
снов и событий
в быструю ткань бытия —

ночи повозка
мчится по воску,
мог бы забыть и я.

Может быть, завтра
вспомним внезапно
наши ночные шаги.
Жаль, что светает.
Снег не растает.
Губы коснутся щеки.

1980

И больше ничего

В сладкие сумерки нырнуть,
стать серенадой,
синей звездой высвечивать путь
в сумраке ада.

Пару продажных истин распять,
перед огнем склониться
и наблюдать, как катится вспять
времени колесница.

Строки никем не читанных книг
провозгласить в веках
и удержать раненый крик
в сильных руках.

1980

Иноходцу

Мчитесь, кони, мчитесь, привередливые.
Медлить незачем, когда выходит срок.
Нынче дни пусты и неприветливы,
нынче ночи – горечь между строк.

Струны, пальцы, лица, гриф ореховый,
бег коней, стремительных и гордых —
мы сыграем самый скорбный реквием
на гитарных сбивчивых аккордах.

Больше баньку не топить по-белому,
на волков окончена охота,
и по городу осиротелому
ходит траур в это время года.

Копошатся крысы в канцелярии,
даже в церкви всё не так, как надо.
Сорваны и скомканы сценарии
образцовой соцолимпиады.

Собирайтесь на Таганской площади,
барды, дипломаты, бедолаги —
над Москвой густой закат полощется,
и Россия приспускает флаги.

Смотрят интуристы в изумлении,
смотрит обалдевшая милиция,
как встает столица на колени,
чтоб за упокой души молиться.

Песня – не перо, но тоже колетса,
словом тоже можно крепко бить.
Русский Гамлет не терзался комплексом,
отвечая однозначно – быть!

Иноходец не сходил с дистанции,
только сердце раненое рвется —
в нашей памяти навек останется
бег подстреленного иноходца.

Будем пить за павших, певших, дравшихся,
будем жить, смеясь, сгорая, ссорясь
и не забывая непродавшихся,
из которых он был – наша совесть.

1980

Флаги над городом

Я смотрю из окна на заснувшую площадь,
на заснеженных улиц ночной фестиваль,
где ликует метель, чьи-то флаги полощет,
где в полнеба взметнулся мятежный февраль.

А пустые глаза провалившихся окон —
в чем секрет их молчанья, за ними-то что?
Может, льется любовь электрическим током?
Может, строчат доносы за складками штор?

И случайных сомнений, внезапных венчаний
ночь полна, и горит голубая свеча,
и печален и призрачен свет за плечами,
как чужой поцелуй у чужого плеча.

Мы наполним заветным огнем наши флаги,
станем пить это пламя всю ночь напролет,
а над миром взойдут белоснежные флаги,
белоснежное солнце нам свет свой прольет.

1980

Гимн душе

Вынь мою белую, беглую душу,
криком – наружу, камнем – наружу,
прямо в железобетонную стужу —
кинь мою душу.

Так умолял эстрадный маэстро:
«Жги мою душу!»
Знай свое время, знай свое место —
а заповедную песню-фиесту
разве нарушу?
Пей мою душу.

Крест – на оркестра скрипичное скерцо.
Делай как знаешь, как тебе лучше.
Хочешь – навек четвертуй мое сердце,
рви мою душу.

Смейся, паяц! – или можешь иначе?
Весь изойди на кофейную гущу.
Я тебя, как купюру, истрачу —
но не куплю твою душу.

Вечный полет, соло слова, слалом —
лучше заткните уши

и улыбнитесь потешным оскалом.
Оставьте мне мою душу.

1980

Телефонный ноктюрн

Моя печаль и грусть твоя
встанут ли рядом?
Но губ твоих
изогнутый рисунок
вновь место мне мое укажет.
Ну что ж,
гореть решусь ли я,
когда прохладных фраз поток
так упоительно жесток?
Впрочем, всё это – слова.
Пусто за ними.
Я пропускаю сквозь себя
сладкое имя.
Красные лампочки
в ночных киосках —
сигнализация на страже.
И дождь шелестит по асфальту,
и шепчет дождь,
и делает музыку.
Зачем же так пусто кругом?
Один тащусь через ночь,
через дождь, через весь город,
иду, как заведенный.
Слегка пьян, но это неважно.

Вот если я напиваюсь сильно,
то начинается ерунда.
Я сажусь на телефон
и звоню всем подряд,
не заботясь, что уже
три часа ночи,
все давно видят
красивые сны,
а разговор со мной
не сулит
ровным счетом ничего.
На следующий день
меня просят
больше так не делать —
и я, конечно, обещаю
больше так не делать —
я действительно намерен
больше так не делать —
но когда вечером
я снова напиваюсь,
то именно так делаю.
От одиночества всегда
начинаешь валять дурака,
даже когда не пьян.
Вот ты еще не знаешь,
что тебе я тоже
буду звонить по ночам,
несмотря на то,
что у тебя нет телефона.

И если ты
услышишь эти звонки —
последний мой шанс —
и если ты
наутро попросишь
больше так не делать,
то я решусь
просить тебя быть со мной,
и, может быть,
ты согласишься,
хотя это тебе не сулит
ровным счетом ничего.
Знаешь,
может, оно и смешно,
но всё равно —
я люблю тебя.

1980

С НОВЫМ ГОДОМ

Серый снег
ночных бульваров
гонит всех
в тепло подвалов.

В тот уют,
где пьют без злости
и спуют
шальные гости.

Где горят
и тают свечи,
где я рад
случайной встрече.

«Маг» орет,
дым коромыслом —
новый год
со старым смыслом.

Среди тьмы
в обвальном трансе
виснем мы,
обнявшись в танце.

Невпопад
куда-то рухнем.
Сонный мат
несется с кухни.

Бьет синдром —
не бьется сердце.
Спим втроем —
нет сил для секса.

А наутро
всё сначала.
Почему-то
ты смолчала.

Маскарад
заглох под вечер.
Очень рад
Нежданной встрече.

В пьяный бред
смешно поверить.
Гаснет свет.
Закрылись двери.

Брось дурить —
завяли уши.
Покурить

нашел бы лучше.

Голова

гудит, как стерва.

Завтра в два.

Ни к черту нервы.

Ну, пока!

Еще полдня

жди звонка,

люби меня.

1981

Тернии

Забывтые сны
в тискаx тишины,
как бабочки, трепетно бьются.
Я снова в долгах,
я стиснут в кулак,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.